

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Патриархат по-феминистски

Как борьба с коммерческим сексом ухудшает
положение женщин

Даниил Жайворонок, Дарья Воруйбиваева

Даниил Жайворонок, Дарья Воруйбиваева

Патриархат по-феминистски

Как борьба с коммерческим сексом ухудшает положение
женщин

22 июня 2020

Журнал НОЖ

ru.anarchistlibraries.net

22 июня 2020

кого нет других источников доходов. В связи с чем Джей Якоб и Пай Леви даже называют шведскую модель новой формой патриархального контроля за женской сексуальностью.

Заключение

Как показывают данные многочисленных исследований, шведская модель не работает. Вернее работает, но совсем не так, как это планировалось, и не так, как это преподносят сторонницы закона.

За 20 лет занятость в сфере коммерческого секса осталась практически на прежнем уровне, количество регистрируемых случаев сексуального рабства возросло. Спрос если и претерпел снижение, то незначительное. Изменения в общественном мнении привели не только к осуждению покупки секса, но и к стигматизации секс-работниц. Мигрантки, даже если они являются жертвами сексуального рабства, депортируются. Криминализация клиента также обернулась более тяжелыми и менее безопасными условиями труда для секс-работниц, что привело к росту случаев насилия и общей уязвимости.

Тревогу вызывает то, что сторонницы и сторонники шведской модели по-прежнему уверены в том, что с ней всё в порядке. Вместо того чтобы признать негативные стороны криминализации клиента, они продолжают настаивать на ее эффективности. Остается только спросить: если феминистская модель ставит и без того уязвимую группу женщин в еще более опасное и тяжелое положение, то что это за феминизм? Может быть, нам нужен другой?

Как показывают исследования, при установлении случаев покупки секс-услуг шведские копы иногда используют презервативы в качестве улики. Поэтому клиенты стали чаще требовать незащищенный секс, что повышает риск инфекции.

К тому же у секс-работниц стало меньше времени на то, чтобы проверять адекватность клиентов. До принятия закона интеракция с клиентом обычно включала в себя small talk, позволявший получить хотя бы какое-то представление о клиенте, понять, насколько он агрессивен, трезв, состоятелен и т. д. Сейчас же клиенты торопятся, опасаясь, опять-таки, внезапного появления патруля, поэтому у секс-работниц нет времени, чтобы оценить клиента, и они вынуждены брать даже тех, кому раньше отказали бы.

Добавим к этому, что пункт о третьих лицах, обсуждавшийся выше, по сути, лишает секс-работниц возможности работать вместе или нанимать охрану, что также делает их более уязвимыми.

Совокупность этих факторов привела к тому, что после криминализации клиента секс-работницы стали сообщать о возросшем количестве случаев насилия и агрессии.

Таким образом, вопреки утверждениям сторонниц закона, он не сделал жизнь секс-работниц безопаснее, наоборот, он привел к росту агрессии по отношению к ним. Подводя итоги анализа эффектов шведской модели, исследовательница Джейн Сколар пишет, что закон, который должен был защищать и помогать женщинам, занимающимся коммерческим сексом, сделал их положение еще более тяжелым и уязвимым, особенно положение тех, у

Коммерческий секс — явление для современного общества обычное, но не покидающее «серой зоны» законодательств, экономик и рынков. Многие феминистки считают коммерческий секс занятием исключительно принудительным, а секс-работниц — рабынями патриархата, которых нужно спасать. Флагом для активисток стала так называемая шведская модель, предполагающая криминализацию клиентов. В реальности такой подход ставит секс-работниц в еще более уязвимое положение и оказывается новым методом патриархального контроля над чужими телами. С тем, что представляет собой шведская модель, как она работает и что говорят о ней исследования, разбираются квир-социолог, автор телеграм-канала «Смерть и мебель» Даниил Жайворонок и художница / независимая исследовательница Дарья Воруйубиваева.

Что такое шведская модель и что в ней особенного?

До начала 2000-х Швеция была известна прежде всего как образцовое социально-демократическое государство всеобщего благосостояния. Высокий уровень жизни, низкий коэффициент экономического неравенства, безопасность и стабильность — именно так представлялась эта страна. Однако с начала 1990-х здесь, как и практически по всему миру, начались неолиберальные реформы, которые привели к эрозии институтов социальной и экономической поддержки населения. Именно в это время Швеция

начала всё больше представлять себя не как успешный пример социал-демократии, но как первое феминистское государство.

Частью ребрендинга имиджа страны стало и новое регулирование коммерческого секса, предложенное в рамках более широкого пакета законодательных мер по защите женщин от насилия и домогательств (*Kvinnofrid*), принятых парламентом Швеции в 1998 году и вступивших в силу в 1999-м.

Одной из этих мер стала новая политика в отношении коммерческого секса, предусматривающая декриминализацию продажи, но криминализацию покупки секс-услуг.

Перенесение вины и ответственности с секс-работниц на их клиентов было инициативой феминисток из разных политических партий, но его не согласовали с секс-работницами и их представительницами, которых даже не позвали на обсуждение законопроекта.

Согласно шведскому закону, покупатели секс-услуг, впервые уличенные в преступлении, наказываются штрафом, а последующие нарушения могут привести к тюремному заключению сроком до шести месяцев. В то же время пострадавшей стороной считается не секс-работница, а общественный порядок. Штраф клиент выплачивает в пользу государства, секс-работнице не полагается никакой компенсации.

Закон строится на допущении, что спрос рождает предложение и что, соответственно, в существовании коммерческого секса виноваты именно клиенты, а не сами секс-работницы. Причем коммерческий секс в рамках шведской модели понимается исключительно негативно, как

ентов в 2016 году, было убито по крайней мере две трансгендерных секс-работницы: Ванеса Кампос и Нюркели.

Подводя итоги: с уверенностью говорить о положительных эффектах закона не представляется возможным. Даже если предположить, что число покупателей и продавцов секс-услуг снизилось (хотя далеко не факт, что это так), то явно незначительно. При этом количество зарегистрированных случаев сексуального рабства выросло. А осуждение клиентов дополнось стигматизацией самих секс-работниц, так что и в сфере общественного мнения успех шведской модели стоит делить как минимум на два.

Негативные эффекты шведской модели

Представьте, что вы продаете некоторые услуги, но тут клиентов, которые эти услуги приобретают, криминализуют. Как эта криминализация скажется на вас? Вероятно, не лучшим образом, поскольку деньги-то вам всё равно нужны, государство никак не компенсирует ваши потери, а вот клиенты либо совсем перестанут к вам идти, либо будут идти с опаской, а вам придется еще и обеспечивать безопасность транзакции для клиента.

Так примерно и произошло с секс-работницами после *Kvinnofrid*. Чтобы не потерять напуганных законом клиентов, им пришлось изменить устоявшиеся практики, и эти изменения зачастую были не в лучшую сторону.

После криминализации клиентам стало удобнее покупать секс-услуги там, где их не заметят как стражи порядка, так и особенно бдительные граждане. Поэтому тем секс-работницам, которые не сменили улицу на индор, пришлось мигрировать на гораздо менее безопасные окраины городов, чтобы избежать нежелательного внимания.

распознавать случаи сексуального рабства. Также на это может влиять множество других факторов, включая миграционные потоки, экономические трансформации и т. д.

Бриджит Андерсон и Джулия О'Кённел Дэвидсон предполагают, что даже сама шведская модель может служить одним из факторов увеличения траффикинга, так как чем больше коммерческий секс подвергается запретам и ограничениям, тем больше нужда в посредниках и брокерах, от которых становятся зависимыми продавцы секс-услуг.

Сторонники криминализации клиента любят говорить о том, что после принятия закона не было убито ни одной секс-работницы. Во-первых, это не так. По крайней мере одна секс-работница была убита, и ее смерть связана именно с законодательными ограничениями в отношении коммерческого секса.

Во-вторых, поскольку секс-работа не является официальной занятостью, то она никак не регистрируется, и есть вероятность того, что убийства секс-работниц могли не регистрироваться как таковые, просто потому, что никто не знал о занятости жертвы в коммерческом сексе.

В-третьих, как уже сказано, нет данных о том, сколько убийств секс-работниц было совершено за аналогичный период до принятия закона и были ли они вообще.

Швеция — одна из самых безопасных стран в мире с одним из самых низких уровней насилиственных преступлений. К тому же число секс-работниц относительно невелико (так было и до принятия закона). Поэтому невысокий процент убийств объясняется вовсе не законом, а относительной безопасностью страны в целом. Например, во Франции, после принятия закона о криминализации кли-

угнетение женщин и форма мужского сексуального насилия, несмотря на то что с такой трактовкой не согласны как многие феминистки, так и секс-работницы. Основной целью закона называется борьба с феноменом коммерческого секса как таковым, но защищающая, а не наказывающая женщин, которые им занимаются.

И хотя реальные эффекты шведской модели, оказанные на сферу интимных услуг и на положение секс-работниц и работников, мягко говоря, сомнительны (об этом речь пойдет дальше), ее идеологический успех неоспорим.

За 20 лет, прошедших с момента вступления Kvinnofrid в силу, криминализация покупки секс-услуг была принята в целом ряде стран: Южная Корея, Исландия, Норвегия, Франция, Северная Ирландия, Канада (Ванкувер), Финляндия (Хельсинки). Даже в Белгородской области существовал подобный закон.

Такой успех объясняется тем, что и сама Швеция, и различные феминистские проекты активно занимаются пиаром этой модели в качестве «лучшей практики» по борьбе с коммерческим сексом: организуют конференции, проводят тренинги и выпускают доклады и другие промоматериалы.

В России Швеция тоже продвигает свой закон. Например, Гунилла Экберг, занимавшаяся в шведском правительстве вопросами коммерческого секса, в своей статье пишет о том, что обсуждала криминализацию клиента с Еленой Мизулиной. Также Швеция спонсирует публикации в СМИ, например, недавнюю статью в «Новой газете», подчеркивающую выгодные стороны модели и умалчивающую о большинстве ее негативных эффектов.

Другие законы, регулирующие коммерческий секс в Швеции

Многие считают, что регуляция коммерческого секса сводится к криминализации клиентов, однако это совсем не так. В Швеции существует еще целый ряд законов, влияющих на положение людей, которые занимаются коммерческим сексом, даже больше, чем Kvinnofrid.

Например, согласно закону о заботе о молодежи, лица, не достигшие 21 года и склонные к «социально деструктивному поведению», к которому относится и оказание платных секс-услуг, могут быть принудительно подвергнуты лечению и ограничению свободы. Наркозависимые люди, включая алкоголиков, занимающиеся коммерческим сексом, также должны проходить терапию в принудительном порядке. Людям с ВИЧ запрещено участвовать в коммерческом сексе как в качестве клиентов, так и в качестве продавцов услуг.

Сам Kvinnofrid кроме криминализации клиента содержит и другие пункты, основным из которых является привлечение к ответственности так называемых третьих лиц, получающих прибыль от занятия коммерческим сексом другого человека.

Под это определение может подпадать сутенер, но может и арендодатель, сдающий секс-работнице квартиру, владелец сайта, на котором размещена реклама услуг, владелец/охранник, коллега, а также партнер или партнерша, проживающие вместе с секс-работницей и имеющие общий бюджет. Даже подросток, достигший 18 лет и проживающий с родителем, занимающимся коммерческим сексом, может быть рассмотрен как выгодополучатель и привлечен к ответственности.

кто работали indoor (отели, бары, массажные салоны, съемные квартиры).

В целом все согласны, что после принятия закона занятость в уличной секс-работе снизилась. По заявлению Шведского комитета по здоровью и благополучию, количество уличных секс-работниц сначала сократилось наполовину, но затем увеличилось, достигнув двух третей от изначального количества занятых.

Если уличная сфера сократилась, то стационарная (салоны, гостиничные номера, съемные квартиры), наоборот, выросла. В 2006 году на весь Стокгольм было всего 304 интернет-объявления о секс-услугах, в 2014-м их уже стало 6965. Конечно, интернет-объявления могут быть фейковыми, один и тот же человек может разместить несколько объявлений и т. д., поэтому эти цифры тоже нужно воспринимать скептически, однако 2200% роста точно указывают на тренд.

Как предполагают Сюзанна Додилье и Петра Остергрен, если сложить индор и уличный сектор, то количество занятых окажется примерно на том же уровне, что и до принятия закона.

- Снижение количества случаев сексуального рабства. Статистика по траффингу до 1999 года отсутствует, однако данные с начала 2000-х демонстрируют тренд на увеличение числа зарегистрированных случаев. Если в 2007 году жертв было всего 15, то в 2017-м их стало уже 82. Такой рост может объясняться, например, тем, что социальные службы и органы правопорядка Швеции научились лучше

его продвижению, которая включала рекламу, общественные дискуссии и лекции в учебных заведениях.

- Снижение спроса. До введения закона о криминализации надежных данных о сфере коммерческого секса в Швеции практически не было. И это одна из главных проблем для измерения и оценивания эффектов закона. Но по спросу все-таки некоторые данные имеются.

В опросе 1996 года 13% мужчин сообщили о том, что покупали секс-услуги хотя бы раз в жизни. А в опросе 2008-го эта цифра снизилась до 8%. Возможно, такая тенденция и впрямь говорит о том, что шведская модель снижает спрос. Однако, по мнению Яри Каусмайяна, логично предположить, что такое значительное снижение не могло произойти за столь короткий срок и что, соответственно, существуют другие объяснения полученных данных.

Например, что в 1996 году мужчины с большей готовностью сообщали о том, что покупали секс-услуги, чем в 2008-м, когда покупка уже являлась уголовным преступлением и у них был повод опасаться говорить об этом открыто. К тому же, согласно данным отчета Национального полицейского управления Швеции, спрос на секс-услуги сохраняется, несмотря на криминализацию.

- Снижение числа людей, занятых в коммерческом сексе. По этому вопросу ведутся споры между разными сторонами. Всё зависит от того, кто и как считает количество людей, занятых секс-работой. По очень приблизительным подсчетам, до принятия закона во всей Швеции насчитывалось около 650 секс-работниц на улице и в два-три раза больше тех,

Полиция находит в интернете адреса секс-работниц и звонит арендодателям с требованием их немедленного выселения под угрозой заведения уголовного дела.

Также полицейские могут приехать по найденному онлайн адресу, чтобы проверить документы или караулить потенциальных клиентов. Естественно, все эти законы негативно сказываются на положении секс-работниц, создавая трудности с арендой жилья, поиском клиентов, безопасностью труда и партнерскими, семейными и родительскими отношениями.

Однако это еще не всё. Как утверждают многие исследовательницы, большинство секс-работниц и работников в Швеции (по некоторым данным, до 80%), как и в других скандинавских странах, — это мигрантки и мигранты, и по отношению к ним применяется не *Kvinnofrid*, а законы, регулирующие правила пребывания в стране для нерезидентов.

Как пишет в недавнем исследовании Нина Вуолаярви, если занимающаяся секс-работой шведка имеет право на получение социальной и экономической помощи со стороны государства для «выхода из проституции» (но реализовать это право не просто, так как за последнее время в Швеции сильно сократилось финансирование социального сектора), то секс-работница-мигрантка может быть депортирована из страны и получить бан на въезд сроком от двух лет.

Основанием может являться как то, что человек, оказывающий секс-услуги, зарабатывает на жизнь «недостойным способом», так и предполагаемая связь с организованной преступностью. Причем депортации может подвергнуться не только секс-работница или работник, но и их партнеры или родственники.

Из-за опасения по поводу депортации и других санкций мигрантки боятся обращаться в полицию в случае насилия со стороны клиентов.

На основании продолжительных этнографических наблюдений и интервью секс-работницами, социальными работниками и полицейскими в трех скандинавских странах (Швеция, Норвегия, Финляндия) Вуолаярви, как и другие исследовательницы до нее, приходит к выводу, что за феминистским фасадом шведской модели, декларирующей защиту женщин, их прав и интересов, скрывается практика преследования и наказания наиболее уязвимой группы: секс-работниц-мигранток.

Более того, в Швеции даже жертвы настоящего сексуального рабства подвергаются депортации. Согласно шведскому закону, жертвы траффикинга могут получить разрешение на временное пребывание с возможностью трудоустройства, обычно сроком не более полугода, после чего должны покинуть страну, в случае если не найдут официальную работу. Если же жертва не идет на сотрудничество с представителями органов власти, она может подвергнуться незамедлительной депортации.

Как отмечается в отчете 2007 года, депортация крайне опасна для жертв траффикинга (особенно для тех, кто пошел на контакт с правоохранительными органами), так как на родине они могут столкнуться с новыми трудностями, в том числе с местью со стороны злоумышленников. Во многих других европейских странах, в том числе во Франции, Финляндии и Норвегии, жертвы сексуального рабства могут рассчитывать на получение постоянного разрешения на пребывание.

О положительных эффектах шведской модели

Сторонницы и сторонники шведской модели выделяют четыре основных положительных эффекта: формирование негативного отношения к покупке коммерческих секс-услуг, снижение спроса на секс-услуги, снижение числа людей, занятых в коммерческом сексе, и снижение случаев сексуального рабства. Однако, по мнению критиков, ничто из этого не подтверждается имеющимися данными.

- Формирование негативного отношения к покупке секс-услуг. Согласно опросу общественного мнения, проводившемуся в Швеции в 2012 году, закон о криминализации покупки поддерживают 65% населения, среди женщин – 80%, среди мужчин – около 50%. Таким образом, можно говорить о том, что шведская модель относительно успешно справилась со своей символической функцией – донести до общества посып о том, что покупать секс – плохо.

С другой стороны, те же самые опросы показывают, что в Швеции вырос уровень осуждения не только покупателей, но и самих секс-работниц: в том же опросе к оказанию коммерческих секс-услуг негативно отнеслись 59% респондентов, 66% среди женщин, и 37% среди мужчин. То есть вместо того, чтобы сформировать негативное отношение только к клиентам, шведская модель усилила негативное отношение к сфере коммерческого секса в целом и к самим секс-работницам, которых, по идеи, феминистский закон должен был защищать от стигматизации.

Вдобавок стоит отметить, что на общественное мнение повлиял не столько закон сам по себе, сколько оплаченная государством масштабная кампания по